

УДК 1(091)(47-87)
DOI: 10.28995/2073-6355-2018-8-76-84

Символика советской власти в работах философов русского зарубежья

Анна Д. Александрова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, alexaann007@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу и осмыслению появления новой символики власти в трудах философов русского зарубежья после Октябрьской революции. В период с 1917 по 1929 г. происходила смена парадигм и переход от дореволюционного сознания к революционному. Находясь за рубежом, они могли не только открыто говорить о новом мире, но и стремились сохранить культурное наследие России. В своих работах они не только описывают те события, которые происходили в период с 1917 по 1929 г., но и то, какие последствия имели революционные итоги для России. Вступая в полемику с властью, философы русского зарубежья стремились изобличить истинные мотивы внедрения официальной и неофициальной символики: как происходило становление символов послереволюционной культуры, отражающих интересы и ценности новой идеологии, и механизма прочтения и истолкования (властью и философами русского зарубежья) одних и тех же символов. Приход новой власти означивал изменения не только в визуальной и символической культуре, новый поворот в осознании себя в культуре XX в., но и строительство нового мира.

Ключевые слова: философы русского зарубежья, революция, символ власти, новая культура, атеизм, нигилизм

Для цитирования: Александрова А.Д. Символика советской власти в работах философов русского зарубежья // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 8 (41). С. 76–84.
DOI: 10.28995/2073-6355-2018-8-76-84

Soviet power symbols in the works of philosophers of the Russian emigres

Anna D. Alexandrova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, alexaann007@yandex.ru*

Abstract. The article is dedicated to the analysis and understanding the emergence of new power symbols in the writings of philosophers of the Russian emigres after the October revolution. In the period from 1917 to 1929 there was a change of paradigms and the transition from pre-revolutionary consciousness to revolutionary. While abroad, philosophers of the Russian emigres could speak openly about the new world, and also tried to preserve the cultural heritage of Russia. In their works, they not only describe the events that took place in the period from 1917 to 1929, but also what consequences the revolutionary results had for Russia. Entering a debate with the government, Russian philosophers tried to expose the true motives for introduction of the official and unofficial symbols: how symbols and to show the emergence of symbols of post-revolutionary culture, reflecting the interests and values of the new ideology, and the mechanism for reading and interpreting same symbols by the power and philosophers of the Russian emigres. The arrival of the new government, marked not only changes in the visual and symbolic culture, a new turn in self-awareness in the culture of the 20th century, but also the construction of a new world.

Keywords: philosophers of the Russian emigres, revolution, symbol of power, new culture, atheism, nihilism

For citation: Alexandrova AD. Soviet power symbols in the works of philosophers of the Russian emigres. *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;8:76-84. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-8-76-84

Введение

В статье обсуждается тема символики послереволюционной культуры, ее рецепции и трансформации после 1917 г. Новые политические силы, пришедшие к власти в России, стали внедрять свои интересы и ценности в социальную и духовную сферы общества. Стремясь формировать новое общественное сознание и «нового

человека», советская власть ставила перед собой, прежде всего, идею утверждения и распространения своей доктрины путем введения особых символов – маркеров власти.

Начиная с 1920-х гг., когда ужесточилась политика в отношении русской интеллигенции, многие видные деятели культуры и ученые, находившиеся в эмиграции, стали рассматривать вопросы, связанные с символикой новой власти. Обращение к работам таких философов русского зарубежья, как Николай Бердяев («Духовные основы русской революции» [1917–1918], «Новое средневековье» [1924], «Русская религиозная психология и коммунистический атеизм» [1931], «Истоки и смысл русского коммунизма» [на нем. 1938; на рус. 1955]), Федор Степун («О свободе» [«Новый Град», 1938], «Мистическое мировидение. Пять образов русского символизма» [1964, на нем. 1964]) и Георгий Федотов («Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры» [1992, посмертно]), дает нам возможность глубже понять специфику символики советской власти в контексте культуры России после 1917 г.

Характеризуя из-за рубежа события, происходившие в России, русские философы могли открыто говорить о многих явлениях: политических и социальных последствиях прихода новой власти, специфике формирования нового государства и общества, анализировать то, как революция 1917 г. повлияла на дальнейшую судьбу русской культуры. Сравнивая дореволюционную и послереволюционную культуру, они стремились понять, почему сам 1917 г. стал своеобразным символом для складывания новой культуры. Изучая становление новых символов, русские философы констатировали глубинные изменения, происходившие в обществе. Анализ их произведений позволяет погрузиться в проблематику того времени и прочувствовать те изменения, которые происходили в послереволюционной России. Обращение к их работам дает представление о влиянии революции на дальнейшее социальное развитие России. В рамках данного исследования были применены интертекстуальный и культурологический подход к изучению текстов.

Утверждение новой власти в России сопровождалось проведением различных идеологических мероприятий, которые были призваны стимулировать рождение «новой культуры». Введение нового календаря, организация массовых политизированных праздников, конструирование новой реальности посредством кинематографа и литературы – все было нацелено не только на разрыв связей со «старой культурой», но и на самоидентификацию советской власти и ее культуры. Что же представляла собою

«новая культура»? С одной стороны, это переосмысление прежней культурной парадигмы в соответствии с новыми идейными установками; с другой – принципиальный отказ от существующей традиции средствами формирования других идеалов и авторитетов. Внедрение новой культурной программы революционным путем – это прежде всего насильственная смена власти и политического режима в символическом оформлении. Реализация такой программы отличалась не только массовостью участия в ней, но и проявлением особой агрессивности по отношению к интеллигенции и к историческому прошлому.

Свержение самодержавия и революция осуществлялись путем террора и убийств. Большевики стремились сформировать и обосновать концепцию, согласно которой данный путь – единственно правильный и верный, и те жертвы, которыми сопровождается движение масс на этом пути, оправданы, поскольку имеют своим результатом благие дела. Одновременно происходило конструирование образа «глобального врага» – мировой буржуазии, для победы над которым необходимо было массовое единение трудящихся. Пришедшие к власти люди позиционировали себя как представители «угнетенных», утверждая, что их интересы прежняя власть всегда игнорировала, тем самым снимая с себя всю ответственность за жестокости революции, и квалифицировали себя как воплощение «воли народа».

Символами такого обобщения революционной воли народа стали: звезда, серп и молот, фигуры рабочего и крестьянина. Они были призваны маркировать те силы, благодаря которым стала возможна Октябрьская революция и которые отныне выступали не только как своего рода «память жертв самодержавной власти», но и как основа будущего советской России, а вместе с ней и всего мира.

Звезда становится символом не только революционного движения, но и символом «новой власти». Ее значение уже не было связано ни с религиозной доктриной, ни с особым пониманием значимости русской армии, как это было в Российской империи. Она стала символом Красной армии [1]. Впервые о звезде как о важном знаке новой власти можно говорить начиная с конца 1910 г., когда вместо «Искры» выходит газета «Звезда» – большевистская легальная газета (деятельностью обеих газет занимался В.И. Ленин). Тесная взаимосвязь деятельности газеты с читателем и ее направленность на «разжигание революционной искры» должна была обеспечивать сплоченность интересов крестьян и рабочих. Таким образом, из обычного знака искра превращается в путеводную звезду и становится наглядным примером отражения

интересов «простого человека», а после революции – символом Красной армии. Изображение звезды наделяется революционной идеологией, становясь символом объединения рабочих и крестьян и армии, защищающей их.

На это обращает внимание Н.А. Бердяев в своем «Новом Средневековье», говоря, что «ориентироваться в русском коммунизме можно лишь по звездам» [2 с. 231]. Автор говорит о звезде не в библейском смысле (о Вифлеемской звезде, которая привела волхвов к Младенцу Христу) и не о небесном месте (понятие места в соответствии с религиозной доктриной). Бердяев отмечает, что звезда в советской идеологии становится особым отличительным признаком, который маркирует понятия «свой» и «чужой».

Об этом же говорит Г. Федотов, когда подчеркивает значимость использования эмблемы звезды:

Но национальная дорога одна. Чтобы найти ее, нет надобности читать «по звездам», по которым ориентировались в сумерках самодержавия звездочеты русской интеллигенции. Ныне земля залита ярким солнцем, беспощадным солнцем правды, обнажающим все морщины и извилины почвы [3 с. 1].

Эмблема звезды носит метафорический характер и в ней прослеживается аллегория с исканиями интеллигенции, которая по прежним, дореволюционным представлениям должна была спасти Россию от краха. Интеллигент представляется «звездочетом», хорошо разбирающимся в звездах, который сможет отыскать «нужную звезду» на небосводе. С приходом советской доктрины уже не нужны такие знатоки, так как все люди подчинены общей идеологии, где на передний план выдвигается единственная, общая звезда, символизирующая социализм как вековую мечту человечества.

Аналогичной концепции придерживается и Ф. Степун в «Мистическом мировидении». Пять образов русского символизма». Он акцентирует внимание на полном атеизме советского общества:

Кресты и звезды существуют лишь на офицерских мундирах, и это издевательство над Крестом, Голгофой и звездами небесными [4 с. 143].

Таким образом, русские философы сходятся во мнении, что звезда, извлеченная из религиозных мотивов, становится «новой эмблемой», которая содержит в себе новый смысл и призвана выполнять принципиально новые функции.

На изображении звезды, принятом после 1918 г., красовались еще несколько символов в центре. Это эмблемы плуга и молота. Для продвижения своей идеологии новая власть стремилась избежать двоякой трактовки того или иного изображения. Листовки, выпущенные в 1918 г., говорили следующее:

Красная звезда Красной армии – это звезда Правды... Поэтому на красноармейской звезде и изображен плуг и молот. Плуг пахаря-мужика. Молот молотобойца-рабочего. Это значит, что Красная армия борется за то, чтобы звезда Правды светила пахарю-мужику и молотобойцу-рабочему, чтобы для них была воля и доля, отдых и хлеб, а не только нужда, нищета и непрерывная работа... Она есть звезда счастья всех бедняков, крестьян и рабочих. Вот что означает красная звезда Красной армии [5 с. 1].

Плуг и молот из простой эмблемы становится символом объединения. При создании эскиза эмблемы для украшения к параду 1 мая, изображение плуга и молота в 1918 г. было заменено Е.И. Камзолкиным на серп и молот. Молот всегда ассоциировался с ремесленным делом, а серп – с полем и крестьянскими работами. Серп является общекрестьянским орудием, как мужским, так и женским; помимо этого ассоциируется с урожаем и жатвой. Крестообразный символ – объединение под одним общим началом. Эмблема серпа и молота надолго закрепились в сознании советского человека не только как идейный символ революции, но и как осознание того факта, что рабочие и крестьяне выступали за одно общее дело. Скрещенный серп и молот служил своеобразным свидетельством объединения трудящихся под лозунгами революции, смены власти и символом революционной трансформации культуры.

Обсуждая символику советской власти, Н.А. Бердяев указывает на реальное положение крестьян как «угнетенных», чьи интересы никогда не учитывались властью. Без крестьян революция в России не могла бы совершиться (массовость и общая идейность). Рабочим отводилась задача «решать чисто экономические задачи» [6 с. 59]. Автор говорит о том, что марксизм пропагандировал: «нужно идти не к крестьянству, которое отвергло революционную интеллигенцию, а к рабочим, на фабрику» [6 с. 79], поскольку капитализм должен был привести не только к образованию и развитию рабочего класса, но и к его продвижению в обществе. К аналогичным выводам приходит и Ф. Степун («О свободе»), говоря об идеях революции и о «раскрепощении рабочей массы» [7 с. 1]. Г. Федотов говорит об особой силе в лице рабочего класса: «Новые классы –

рабочие, промышленники, – приобщаясь к “просвещению”, начинают реальную, а не утопическую классовую борьбу. Плеханов оказался пророком: рабочий был той точкой опоры, куда должен быть приложен революционный рычаг. Пролетарий, оторванный от народной (т. е. крестьянской) почвы, сам сделался почвой, на которую мог осесть революционный скиталец» [3 с. 1]. Таким образом, происходит выделение фигур крестьянина и рабочего как основных представителей русской революции, как ее символов. Именно эти две фигуры выступали как огромная сила, способная породить и поддержать революцию.

Помимо визуальных изображений послереволюционную культуру маркируют и идеологические знаковые символы. В работах философов русского зарубежья содержится анализ трансформации традиционных ценностей в России под влиянием революции 1917 г. Так, исследуя идейную парадигму революции в России, Н.А. Бердяев пишет, что идейные основания революции в России представляют собой плод смешения различных идеологий, использования отдельных слов и выражений в ином контекстуальном поле (библейские цитаты в новом прочтении, образ пахаря и сеятеля, «перекуем мечи на орала» и т. д.). Он характеризует революции как «суд над историческим христианством» [6 с. 108]. Отказ от христианских ценностей (атеистические идеи, гонения на церковь, введение нового календаря и внецерковных праздников) и нигилизм – вот те знаки новой власти и будущего «социализма», которые маркируют новую культуру. Когда начинаются массовые волнения и происходят покушения на царя, то тогда уже можно говорить о нигилизме как о сформировавшейся парадигме сознания общества. Революционные партии предлагали построить новый мир, без царя и самодержавия. Покушение на царя означало не просто подрыв режима и власти, но и попытку «посягнуть» на Бога и христианские ценности. Революционный путь, путь террора и убийства, выбранный радикалами, призывал к быстрым и кровавым мерам, к разрыву с историческим временем, религией и культурными традициями.

На проблематике отказа от христианских ценностей акцентирует свое внимание и Г.П. Федотов в работе «Судьба и грехи России». В главе, посвященной положению церкви, анализируются взаимоотношения между властью и церковью в 1920-х гг. Он пишет о гонениях на церковь, об обезличивании и о попытках ее ослабления [3 с. 1]. Ф.А. Степун вводит понятие «религиозный социализм», для идентификации «новых ценностей». Он пишет о том, что религиозный социализм призван был соединить не только религиозные доктрины, но и марксистскую идеологию. Таким образом, отказ от

христианских ценностей и нигилизм по отношению к прошлому выступали символическим актом советской власти, направленным на утверждение социализма. Идеологические символы становятся неотъемлемой частью послереволюционной культуры, подчеркивающей ее уникальность и неповторимость по отношению к старому миру (до 1917 г.).

Идеология новой власти и внедрение новой культуры, представленной в броской и понятной символике, должны были не только маркировать новую власть, но и укрепить ее позиции. Философы русского зарубежья подчеркивали, что новая власть стремилась охарактеризовать себя как движущую силу, которая защищает интересы «простого человека», объединяет народные массы под эгидой общего начала, при этом являясь одновременно и сдерживающим и направляющим фактором, позволяющим организовывать и контролировать массовое сознание.

Литература

---

1. *Фельдман Д.М.* Терминология власти: советские политические термины в историко-культурном контексте. М.: РГГУ, 2006. 486 с.
2. *Бердяев Н.А.* Смысл истории: Новое средневековье / Сост., коммент. В.В. Сапова. М.: Канон+, 2002. 448 с.
3. *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры [Электронный ресурс]. URL: <http://itexts.net/files/pdf/fedotov-georgiy-sudba-i-grehi-rossii-33734.pdf> (дата обращения 10.09.2016).
4. *Степун Ф.А.* Мистическое мировидение: Пять образов русского символизма / Пер. с нем. Г. Снежинской, Е. Крепак, Л. Маркевич. СПб.: Владимир Даль, 2012. 479 с.
5. Храм Живоначальной Троицы на Воробьевых горах [Электронный ресурс] // Prihod.ru: сайт Храма Живоначальной Троицы на Воробьевых горах. URL: <http://hram-troicy.cerkov.ru/> (дата обращения 15.09.2016).
6. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
7. *Степун Ф.А.* О свободе [Электронный ресурс] // Новый Град. № 13. URL: http://www.odinblago.ru/noviy_grad/13/2 (дата обращения 22.09.2016).

References

---

1. Feldman DM. Terminology of power: Soviet political terms in historical and cultural context. Moscow: RGGU Publ.; 2006. 486 p. (In Russ.)
2. Berdyaev NA. The meaning of History. The new middle ages. Moscow: Kanon+ Publ.; 2002. 448 p. (In Russ.)

3. Fedotov GP. The destiny and sins of Russia: Selected articles on the philosophy of Russian history and culture [Internet]. [data obrashcheniya 10 Sept. 2016]. URL: <http://itexts.net/files/pdf/fedotov-georgiy-sudba-i-grehi-rossii-33734.pdf> (In Russ.)
4. Stepun FA. Mystical world-view. Five images of Russian symbolism. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal' Publ.; 2012. 479 p. (In Russ.)
5. The Church of the Holy Trinity on the Sparrow hills [Internet]. Prihod.ru: the Website of the Church of the Holy Trinity on the Sparrow hills. [data obrashcheniya 15 Sept. 2016]. URL: <http://hram-troicy.cerkov.ru/> (In Russ.)
6. *Berdyayev N.A.* The origins and meaning of Russian communism. Moscow: Science, 1990. 224 p.
7. Stepun FA. On freedom [Internet]. *Novy Grad*. № 13. [data obrashcheniya 22 Sept. 2016]. URL: http://www.odinblago.ru/noviy_grad/13/2 (In Russ.)

Информация об авторе

Анна Д. Александрова, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; alexaann007@yandex.ru

Information about the author

Anna D. Alexandrova, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; alexaann007@yandex.ru